

ИВАНОВ-РАЗУМНИК В 1942 ГОДУ

ОЛЬГА РАЕВСКАЯ-ХЬЮЗ

Восприятие русской литературы как литературы метрополии и диаспоры явление сравнительно позднее. Вероятно, такое понимание, как и сами термины «метрополия» и «диаспора», следует связывать с появлением литературы так называемой «третьей волны», представители которой, оказавшись за пределами СССР, встречались лицом к лицу с литературой эмиграции и ее уже немногочисленными представителями. Для большинства писателей метрополии 60–70-х гг. эта эмиграция была настоящей terra incognita. Однако разъединение и отчуждение не произошли сразу. В двадцатые годы еще было много личных контактов между писателями, выезжавшими на Запад или возвращавшимися из-за границы. Это относилось в еще большей мере к книгам.¹ Сохранялись значительные контакты и в тридцатые годы. Однако с ужесточением политического контроля ослаблялись не только личные контакты, но и снижалась возможность следить за литературой по другую сторону границы. Если в эмиграции интерес к России сохранялся, как сохранялась и возможность следить за литературой в Советском Союзе,² то другая сторона этого «обмена» фактически быстро свелась на нет; литература русской эмиграции в Советском Союзе доступной не была, как скоро стали небезопасными и личные контакты и переписка с заграницей. К концу тридцатых годов отсутствие информации об эмиграции и эмигрантской литературе стало почти полным. Значительнее незнания отдельных фактов была потеря общей перспективы как результат взаимного непонимания обстоятельств развития литературы по обе стороны границы, и закономерный приход в литературу нового, послевоенного поколения.³

Процесс отчуждения не был равномерным. При изучении отношений между литературой и жизнью эмиграции и метрополии должно принимать во внимание множество различий, как хронологических (в 20–30-е гг. еще

сохранялась живая память о современниках) и географических (Харбин, Прибалтика, а также частично и Польша во многом сохраняли русскую дореволюционную, не эмигрантскую, среду и непосредственную связь с Россией), так и индивидуальных, включая контакты с Россией отдельных писателей или общественных деятелей эмиграции, часто не вписывавшиеся в общие возможности и обстоятельства.

Одним из таких эпизодов — по-видимому единственным в 40-е гг. — была встреча Иванова-Разумника с писателями-эмигрантами и русской литературой в эмиграции. Ситуация была уникальной: не было другого писателя его поколения и известности, кто попал в то время за пределы Советского Союза и установил связь с писателями-эмигрантами.⁴ Когда Иванов-Разумник оказался в лагере в Западной Пруссии, ему удалось очень быстро найти контакты с русскими писателями за границей. Встреча была заочной, но интенсивной и насыщенной обменом информацией о жизни и литературе.

Иванов-Разумник — Разумник Васильевич Иванов — занимает совершенно особое место в истории русской литературы и культуры. Автор двухтомной «Истории русской общественной мысли» (1906), выдержавшей пять изданий до революции, друг Белого и Блока, вдохновитель «Скифов», безоговорочно принявший и поддержавший Октябрь, Иванов-Разумник был тесно связан с левыми эсерами, хотя членом партии не стал, неизменно отстаивая свою независимость от партийной дисциплины. При советской власти он был первый раз арестован в феврале 1919 года в связи с делом так называемого «заговора левых эсеров». В 30-ые гг. был дважды арестован и провел много лет в заключении и ссылке, о чем оставил подробный рассказ в своей, опубликованной в Нью-Йорке в 1953 г. книге «Тюрьмы и ссылки».⁵ В июне 1941 года Иванов-Разумник временно находился в Царском Селе, где не имел постоянной прописки с 1933 года. Ивановы оставались в Царском Селе во время немецкой оккупации и были вывезены оттуда в Западную Пруссию, где провели полтора года в лагере, затем недолгое время прожили у родственников в Литве, а окончили свои дни в Германии в 1946 г.: Варвара Николаевна скончалась 18 марта в Рендсбурге, а Разумник Васильевич 9 июня в Мюнхене, куда переехал к родственникам после смерти жены.

История архива Иванова-Разумника, оставленного в Царском Селе, известна: значительная часть архива погибла во время войны.⁶ В трудном пути в Западную Германию в конце войны были утрачены, по всей видимости безвозвратно, рукописи книг, оконченных за военные годы. В 50-е гг. Литературный фонд в Нью-Йорке издал книгу «Писательские судьбы», сборник очерков Иванова-Разумника, опубликованных в берлинской газете «Новое слово».⁷ Часть архива Иванова-Разумника 40-х гг. (1942–1946 гг.) сохранилась; в основном это письма русских писателей-эмигрантов, с кем ему удалось наладить связь еще будучи в лагере. В этом архиве находится записная книжка-календарь на 1942 год, в которой он дал детальную хронику своей жизни за этот год. Настоящая работа дает обзор жизни Разумника Васильевича и Варвары Николаевны Ивановых в 1942 г. по материалам этого дневника.⁸

Ивановы оставались в Царском Селе, когда город был оккупирован немецкими войсками в сентябре 1941 г., и были вывезены отсюда 5 февраля 1942 г. Через десять дней они прибыли в г. Кониц Западной Пруссии, где находился большой лагерь, так называемый *Veobachtungslager* для *Volksdeutsche*, т.е. лагерь для русских немецкого происхождения, немецких колонистов из России и русских немцев, которых переселяли, главным образом, в Польшу. Целью содержания в лагере, как указывает его название, было «наблюдение» за *Volksdeutsche* перед их выходом на свободу или переселением. Ивановы попали в этот лагерь, так как Варвара Николаевна, урожденная Отгенберг, была отнесена к категории русских немецкого происхождения. Хотя попытки освободиться из лагеря Ивановы начали сразу, как только завязали связь с внешним миром, им удалось освободиться и уехать к родственникам в Литву только летом 1943 г.

Ко времени оккупации Царского Села немцами город был уже значительно разрушен бомбардировками и артиллерийским обстрелом. За продолжавшимся разрушением следовали голод и, с наступлением зимы, недостаток топлива.⁹ Неопубликованные воспоминания царскоселки И. Н. Бушман¹⁰ сохранили ценное свидетельство о деятельности Иванова-Разумника по сохранению русской культуры во время немецкой оккупации, когда стоял вопрос о возможности выжить. Описав разрушенный город и состояние голодающих жите-

лей через несколько недель после взятия города немцами, Бушман пишет: «<В> этих нечеловеческих условиях жизни интеллигенты-энтузиасты во главе с Ивановым-Разумником решили устроить независимую от немцев организацию людей умственного труда, призывая в свои ряды молодежь и стариков, профессуру и студенчество. Иж первый призыв был: спасайте книги! Книги в то время валялись просто на улицах около разрушенных снарядами домов или в квартирах, перевернутых вверх дном немецкими обысками. Их поливал дождь, топтали солдатские сапоги, немцы брали их на растопку <... > По инициативе этой группы книги собирались, складывались в ящики и прятались в надежных местах. Распухшие от голода люди, бравшие на себя этот почти непосильный труд, знали, что не им придется воспользоваться его плодами, но торопились спасти книги, пока они не погибли и пока не погибли люди, способные их спасти».

Среди брошенных книг Иванов-Разумник и нашел записную книжку, в которой затем вел дневник 1942 г. Об этом он рассказывает сам, записывая под 1 января: «В старых чужих книгах нашел замечательную золотообрезанную книжку на 1914 год и начинаю». Далее он записывает в дневнике: «В 1914 г. книжка принадлежала Верочке Ковалевской. Замужем — Кабардиной».¹¹ Он использует эту двойную хронологию (1914—1942 г.) и двойную принадлежность, делая свои записи красными чернилами между черных строк 1914 г. Так под первым января в 1914 году была переписана новогодняя молитва («Благослови венец лета благости Твоея, Господи»), а в 1942 г. на верхнем поле этой страницы вписана цитата из евангельского чтения на новолетие, т.е. новогоднего молебна (Лк. 4: 19), что, в свою очередь, является цитатой из пророка Исайи (61: 1—2): «Лето Господне благоприятное!»¹² Этот текст-палимпсест ограничивается всего несколькими записями, так как дневник первой владелицы обрывается в конце января.

Сообщения Иванова-Разумника о жизни в Царском Селе чаще всего не требуют комментариев. В это время много записей о голоде и о смерти знакомых и незнакомых, о невозможности похоронить умерших, о случаях психологических заболеваний на почве голода, отмечен случай каннибализма. Есть записи о немецких репрессиях, например: «Расстрел молочницы Степаниды и ее четырех знакомых (пошли в «запретную зону» за продуктами)». Дана

хронология состояния собственного здоровья: «Здоровье очень плохо. Еле хожу; отеки ног доходят до середины бедра <...> Варя держится бодрее, хотя больна не меньше» (5 января). В середине месяца (16 января) записано подтверждение решения не уезжать: «Веселое сумасшествие: в то время, как все собираются бежать из Царского Села, мы с Варей купили сегодня в комиссионном магазине самовар! (без крана, за 60 руб.<лей> в рассрочку). Символ того, что добровольно не уйдем из Царского Села, даже под угрозой голодной смерти». Заканчивается запись более пессимистично: «Экспедиция за продовольствием запрещена комендантом. Голодная смерть впереди становится не очень невероятной». Через несколько дней следует сообщение о том, что объявлена «добровольная эвакуация», которая очень быстро превращается в обязательную: «<...> немецкая полиция обходила все квартиры и требовала немедленного выселения жителей. Были и у нас». На другой день — запись о том, что кончаются дрова. Последняя запись в январе: «Весь январь медленно умирали». Положение Ивановых быстро становится катастрофическим: 3 февраля запись сделана очень слабым и неверным почерком: «Слег, еле хожу. Варя тоже».

В следующие два дня записи о сборах и отъезде: «В три часа дня неожиданное появление немецкого полицейского, завтра в 12 час. дня отъезд в Гатчино <sic!>»; «Дикие сборы. Взяли все ненужное и оставили все нужное». Даны подробности отправки в нетопленных вагонах и путаного и медленного следования в г. Кониц в Западной Пруссии. Их багаж — «восемь небольших мест багажа, я девятое место и Варе приходится таскать все девять мест, а сама падает от великой усталости». ¹³ В Кониц они прибывают 15 февраля, но выйти из барака находят силы только 26-го. В тот же день упоминается продление карантина, так как в одном из барачков зарегистрирован случай сыпного тифа.

В дневнике много записей о лагерных правилах и быте, очень часто это сообщения об ужесточении режима и наказании отдельных барачков или всего лагеря: «Обход комнат. Отнятие русских книг, патефонов, пластинок» (24 февраля); «Новый приказ: Тушить свет и лежать в кроватях в 9 час. веч.; вставать в 7 час. утра, в 8 час. постели убраны, камера подметена. Камера неисполняющая этого правила, подводит весь барак, который на следующий день наказывается голодным пайком». В марте: «Живем от еды до еды»; «В умывалке пошла вода».

отсутствовавшая полторы недели <...> Можно отмыться добела». В июле выходит запрещение топить печи в камерах, то есть готовить добавочную пищу. Часто после сообщений подобного рода следует запись «лагерь есть лагерь» или «тюрьма есть тюрьма». 15 марта суммируется прошедший месяц: «Месяц нашего прибытия в лагерь. Этот месяц может считаться за год». В марте же отмечена вторая за месяц смерть в их комнате, где восемь человек. Только в начале апреля Ивановы получают вторую смену белья от своих сокамерников, которым присылает одежду родственница, женщина, живущая в Конице: «Теперь можем взять ванну и к Пасхе переменить белье». Как обычно в лагере много места уделено пайку и еде (до получения посылок Ивановы постоянно недоедают, так как у них нет денег, чтобы прикупать продукты). В дальнейшем их быт несколько улучшается, главным образом за счет денег и посылок, которые они начинают получать в апреле.

В дневнике регулярно и педантично отмечаются погода, обстоятельства их жизни и события в лагере или в камере, как Иванов-Разумник неизменно называет комнату, которую они делят с шестью сокамерниками. В книжку вклеено несколько фотографий, снятых на фоне лагерных бараков. На одной из них супруги Ивановы сняты летом 1942 г. Под снимком написано: «У лагерной колючей проволоки». В книжку вклеены корешки квитанций денежных переводов; дан подсчет «кассы», то есть их лагерных долгов до получения первых денежных переводов. Сюда переписаны или вклеены документы; в «пустые» дни вписаны черновики официальных писем; вклеены вырезки из немецких газет, главным образом сообщения о родственниках местных немцев, убитых на фронте. В этой памятной книжке аккуратно отмечаются получение и отправка писем. Время от времени упоминаются лагерные службы, а также имена лагерных осведомителей. В двадцатых числах марта сообщается о болезни Варвары Николаевны («Три недели, как у Вари нарывы на голове. Диагноз: худосочие»), а в апреле и мае записи о болезни Разумника Васильевича: он проводит 36 дней в лагерном лазарете с тяжелой флегмоной ноги. В это время он крайне истощен, но в лазарете немного лучше питается и, главное, наслаждается возможностью читать и писать в тишине.

Помимо быта и непосредственных обстоятельств жизни в дневнике есть несколько сквозных тем, выходящих за пределы барака и лагеря. Первой из них следует на-

звать сведения о войне и фронте, а также о Петербурге и Царском Селе. Взгляд Иванова-Разумника на исход войны не меняется, он так же уверен в поражении Германии, как и в 1941 г.¹⁴ В самом начале 1942 г. еще в Царском Селе он дает свой обзор мировой войны к началу этого года: «Три военные ошибки за третий год войны: 1. Немцы не ворвались в Англию после разгрома Дюнкирхена; 2. Англичане не сбросили итальянцев в море после разгрома в Ливии; 3. Немцы не ворвались в Ленинград в середине сентября на плечах отступающих русских. Мировая война, конечно, проиграна немцами». В дневнике есть сведения из газет («Danziger Vorpost», «Новое слово»), много слухов, особенно о Царском Селе и Ленинграде. Выписывая 9 июля из «Нового слова» сведения о разрушениях в Царском Селе, он заключает: «<...> вообще от города не осталось камня на камне» и добавляет: «А что останется от Петербурга?» Каждый месяц отмечается дата отъезда из Царского Села и дата прибытия в лагерь. 17 сентября записано и подчеркнуто: «<...> годовщина прихода немцев в Царское Село и годовщина осады Петербурга». Записи, в большинстве, крайне лаконичны, да они в комментариях и не нуждаются. Приведу несколько примеров: «взято Пулково» (7 августа); «Немцы вышли к Волге севернее Царицына» (4 сентября); «Новые "слухи": Сталин "разорвал" с Англией и Америкой, переговоры с Германией о сепаратном мире... Дураки верят» (24 октября); «первое отступление в Африке» (6 ноября); «о Сталинграде — молчание» (7 декабря); «планомерное отступление немцев на восточном фронте» (22 декабря).

Другие темы возникают в связи с попытками Ивановых завязать контакты с внешним миром. В марте Иванов-Разумник пишет своим родственникам в Литву.¹⁵ Письмо идет два месяца, но по получении его те немедленно отвечают приглашением приехать к ним жить. Следом за письмом приходит посылка, письма же продолжают приходить одно за другим. В дальнейшем Ивановы регулярно получают посылки и денежные переводы. Племянники Разумника Васильевича сразу же начинают хлопотать о разрешении на переезд его и Варвары Николаевны к ним в деревню (в дневник вписаны тексты заявлений и ходатайств о выезде). В середине июня приходит первый отказ. В июле подается новый запрос, а в августе — заявление в комиссию по разделению содержащихся в лагере и начальнику лагеря с ходатайством о двух- или трехмесячном

отпуске и рекомендация врача переехать (из-за состояния здоровья) жить в деревню. В октябре в дневник вписано множество советов, как выбраться из лагеря, среди них следующий: «<...> "пробиваться" в Берлин и там хлопотать лично. Ни в Литву, ни в Прагу решительно не пустят, но могут еще на год законопатить в лагере». Список советов заканчивается мрачным: «После российских тюрем — немецкие». Пребывание в лагере Коница, как продолжение его «тюрем и ссылок», — постоянный мотив дневника: «ДПЗ, Лубянка, Бутырка, Таганка, Varackenlager — не "zu viel"» ли? (17 июня). В середине ноября начальник лагеря сообщает Ивановым о полученном от немецких властей в Каунасе повторном отказе на въезд в Литву. Ивановы остались до конца года в лагере в Конице, в 1943 г. были переведены в лагерь в городе Preussische Stargard и только летом получили, наконец, возможность уехать к родственникам.

Без сомнения, самое значительное событие в жизни Ивановых после прибытия в Кониц, которому уделено много места в дневнике, это установление связи и переписка с русскими писателями-эмигрантами. Получив в лагере экземпляр берлинской газеты «Новое слово», Иванов-Разумник пишет в редакцию. 15 апреля газета помещает заметку о его местонахождении и адрес лагеря, что было обычной практикой газеты по отношению к приезжавшим в Германию из оккупированных областей. После появления заметки он начинает получать письма из Германии, Чехословакии и Франции. Среди корреспондентов Иванова-Разумника были и незнакомые ему люди, интересующиеся судьбой родственников, живших в Царском Селе, а также писатели-эмигранты. Среди них — представители младшего поколения, знавшие имя Иванова-Разумника, но не знакомые с ним лично, как архимандрит Иоанн Шаховской¹⁶ и Нина Берберова,¹⁷ и люди старшего поколения, как Алексей Ремизов, с которым Иванова-Разумника связывало многолетнее сотрудничество и дружба.¹⁸

С Прагой переписку начал сам Иванов-Разумник, найдя в «Новом слове» адреса Русского Исторического Общества¹⁹ и Русского Свободного Университета.²⁰ Он пишет И. И. Лапшину;²¹ завязывается его переписка с Е. А. Лядким,²² прерванная, однако, вскоре смертью адресата. Из Праги начинают приходить посылки: продукты,

одежда, табак, деньги и книги. Теперь Иванов-Разумник много читает: том за томом эмигрантские журналы и мемуарную литературу.

Переписка с писателями налаживается быстро. После первых вопросов и сообщений с обеих сторон корреспонденты стараются ввести Иванова-Разумника в курс эмигрантской литературы. В переписке начинается серьезный разговор о русской литературе в эмиграции. На таком уровне это была единственная встреча метрополии и эмиграции. Но этому эпистолярному «разговору о литературе» не суждено было продолжаться, т.к. 8 июня вышел приказ нового начальника лагеря — «новелла», как его иронически называет Иванов-Разумник — о запрещении писать письма из лагеря на русском языке. Это был тяжелый удар для Разумника Васильевича, т.к. получение писем и ответы на них быстро сделались главными событиями его лагерной жизни («Писем не было (редкий день!). Ничего не было. И дня — не было» (17 июня). Теперь все надо переводить: «переписывать на язык неродных осин». Переписка начинает ограничиваться деловыми письмами и открытками и быстро сокращается.

Дневник также регулярно сообщает о литературной работе автора. С первых дней пребывания в лагере постоянной заботой Иванова-Разумника было найти литературный заработок. В дневнике содержится хронология его работы над очерками, составившими книгу «Писательские судьбы». Свои очерки он предложил берлинской газете «Новое слово», еще не зная о прогерманском направлении газеты, о чем впоследствии неоднократно выражал сожаление. В первых записях о работе чувствуется некоторая неуверенность и неудовлетворенность собой (17 апреля): «Собираюсь написать для "Нового слова" — "Две жизни султана Махмуда". Написал восемь страниц. Завтра ("е. б. ж.") — закончу. Первая статья после "Вершин" (1923 год)».²³ Через несколько дней: «Заканчивал очерк о Ф. Сологубе: по-прежнему мало доволен, — писать совсем разучился, выходит натянуто». Однако чувство неуверенности быстро сменяется боевым духом в переписке с редакцией газеты. 6 мая записан конспект ответа в редакцию «Нового слова» с цитатами из редакторского письма: «1. Писать без "литературной изысканности" и "в чуть более скупой, сжатой трактовке". 2. Избегать цитат на иностранных языках. . . 3. "Неизбежные сокращения". — Не лучше ли выслать гранки? 4. Высылка

номеров с моими очерками и прошу вообще о регулярной высылке. 5. Не нужны ли деньги? Нужны, но боюсь сильно авансироваться. Пришлите. 6. Лекарства — не нужны, но "лекарство-табак" — очень желательно. 7. Прошу ответа о "Погорельщине" Клюева». ²⁴

Если здесь автор ироничен, то в дальнейших записях он явно раздражен: «Моя статья под пошлым названием "Хождение над бездной" и с фантастическими купюрами. Надо будет написать — ультимативно. Наглый и безграмотный редакционный первый абзац» (9 мая). Далее дневник отмечает возмущение автора сокращениями и «фантастическим заглавием» в очерке о Сологубе («осталось меньше половины»).

Когда из писем, полученных из Чехии и Франции, Иванов-Разумник узнает, что русских изданий в Европе фактически больше не существует, он начинает искать пути издания своей книги «Юбилей (Тюрьмы и ссылки)» в немецком переводе. В конце апреля, когда Варвара Николаевна приносит ему в лазарет рукопись книги, он записывает: «Перечитал его: доведен до сентября 1937 года. Надо дописать, — и ждать у моря погоды». В двадцатых числах июля он составляет краткое оглавление книги и в конце месяца отправляет письмо немецкому историку русской литературы Артуру Лютеру ²⁵ с приложением немецкого перевода очерка «Две жизни султана Махмуда» и подробного содержания «Юбилея» в надежде на содействие в издании книги. В дневнике отмечаются также непосредственные запросы в разные издательства.

В июне, прочитав книгу мемуаров Зинаиды Гиппиус «Живые лица», открывающуюся очерком о Блоке «Мой лунный друг», Иванов-Разумник начинает работу над статьей о Гиппиус и Блоке, которая, предположительно, должна была войти в его книгу статей, в которую он собирался включить, в частности, и три статьи об Андрее Белом (о «Гоголе», «Масках» и воспоминаниях). Он отмечает в дневнике: «Буду постепенно дополнять, озаглавил "Opera posthuma omnia quae supersunt"». ²⁶

Сразу после запрета на русские письма Иванов-Разумник пишет о решении завести «Письмовник», куда он собирается заносить текст «неотправленных» писем. К этому проекту книги писем, который занимает его в течение всего следующего месяца, он относится серьезно и, в то же время, не без иронии: «С 8 июня принялся "всерьез

и надолго" за книгу Письмовник: с 8-го "подготавливал материалы", сегодня <12 июня> начал писать. Работа смешная тем, что ей действительно может «не быть конца» — до конца жизни!» Затем следуют записи о работе: «Весь день писал Письмовник — написано почти двадцать страниц в толстой тетради»; «Усердно пишу Письмовник — работа легкая и приятная»; «Уже 70 страниц Письмовника!» Автор устраивает себе строгий режим работы: встает в 4 часа утра и пишет с пяти до семи до общего подъема. Однако такой режим трудно выдержать долго. В середине июля записано: «Весь день отсыпался после ряда бессонных "утр" и вставания в 3 ч<аса> утра». Затем «Письмовник» лежит без движения весь август и начало сентября. Последнее упоминание об этой книге написано 12 октября.²⁷

В середине июня появляется еще одна тема, занимающая к концу года все больше места в дневниковых записях, — это тема «русских немцев». Точнее, это история знакомства с Олафом Федоровичем Вельдингом и его семьей, жившими тогда в городе Кониц. Это знакомство не только скрасило жизнь Ивановых второй половины года, но можно утверждать, что щедрость этой семьи — и материальная и духовная — помогла Ивановым выжить и сохранить душевное равновесие. Прибалтийский немец О. Ф. Вельдинг в 1917 г. окончил юридический факультет Московского университета, вернулся в Эстонию, где с 1923 по 1939 год служил судебным следователем. В октябре 1939 г. он перебрался с семьей в Германию и с 1940 г. жил и служил юристом в гражданском управлении города Кониц. У Вельдинга имелась большая русская библиотека, которая, наряду с классикой, содержала и русские эмигрантские издания. Иванов-Разумник получил возможность прочитать, в частности, «Архив русской революции» и множество мемуаров, и даже найти одно издание под собственной редакцией: «<... > читал записки Н. И. Греча, издание Academia под моей редакцией в 1930 — (взял у Вельдинга!). Многие вспомнилось».²⁸

Начало их знакомства относится к середине июня: «Курьезное письмо из Коница (!) <... > от некоего Олафа Вельдинга <... > Зовет к себе в гости, в Кониц!» Иванов-Разумник отвечает открыткой с благодарностью и сообщает, что из лагеря выйти не может. Через несколько дней состоялось их личное знакомство: Ивановых вызвали в приемную комнату лагеря, где их встретил Вельдинг

с книгами и папиросами (во время войны — дефицитный товар, котировавшийся как валюта). Через неделю они встретились вновь («толстый портфель книг, целая корзина съестного»), через пять дней от Вельдинга приходит посылка, а в следующий визит, кроме книг и продуктов, он приносит букет пионов для Варвары Николаевны. Далее с помощью Вельдинга Ивановы получают одноразовые пропуски в город. Первый выход из лагеря отмечен 10 июля, а через неделю запись о том, что помощник начальника лагеря «вторично не пустил в город» и приписка — «чувство тюрмы». Однако в конце августа у них уже постоянный пропуск в город три раза в неделю с двух до семи часов дня. Стало возможно попасть в аптеку, в магазины, на рынок и просто погулять по городу. Но самое главное, — это означало фактически регулярные визиты, — часто на ужин и на праздники, — к Вельдингам.

Хотя дневник в целом отражает разочарование и чувство безвыходности в связи с невозможностью выйти на свободу и, как следствие, неуверенность в завтрашнем дне, в конце сентября появляется особо мрачная запись: «Весь день разбирался в письмах. Запустил переписку: никому не писал с 1 сентября. Запустил Письмовник. Все надоело». Такое настроение продолжается и в октябре: «Весь день бродили по лагерю, делать ничего не хочется, писать ничего не хочется, даже читать не хочется. Можем пойти в город, да и то не хочется. Пишем не пишу, да и не получаем ниоткуда. Скучно жить на этом свете, господа» (14 октября). Но уже в двадцатых числах месяца Разумник Васильевич снова начинает писать письма и, как можно предположить, получать на них ответы. В это время в доме Вельдинга он читает главы из своей тогда еще не оконченной книги «Юбилей. (Тюрьмы и ссылки)», а также статью о Зинаиде Гиппиус и Блоке, написанную уже в лагере. В сентябре дневник свидетельствует о шести посещениях семьи Вельдингов, а в последние три месяца года Ивановы уже три или четыре раза в неделю проводят время в этом гостеприимном доме. Иногда они там просто отдыхают, Разумник Васильевич играет на пиано или читает, а Варвара Николаевна шьет. Выходы из лагеря и часы, проведенные в доме Вельдингов, неизменно характеризуются в дневнике как отдых. По-видимому, в дальнейшем Вельдингу удалось выхлопотать для Ивановых разрешение прожить некоторое время у него в доме

в конце их пребывания в Конице и затем какое-то время, когда они были в лагере в Штаргарде.²⁹

После восьми месяцев в Литве, где Ивановы были окружены вниманием и заботами большой дружной семьи, весной 1944 г., при наступлении Советской Армии, они вернулись в Кониц, теперь на частную квартиру. Кониц они покинули в конце января 1945 г. и в двадцатых числах февраля добрались до городка Рендсбург у Кильского канала, где тяжело заболела Варвара Николаевна. После ее смерти, весной 1946 г., Разумник Васильевич переехал в Мюнхен. Здесь, в семье племянника, с которым они особенно сблизились за время пребывания в Литве, он прожил последние полтора месяца жизни.

Книгу «Тюрьмы и ссылки» Иванов-Разумник заканчивает рассказом о том, что в сентябре 1941 г. он с женой был в списке лиц, подлежащих аресту и высылке. Этот приказ не был выполнен, т. к. немцы заняли город за день до назначенной даты ареста: «<...> судьбе на этот раз было угодно избавить меня от новых тюрем и ссылок, а нас обоих — от верной гибели» (С. 412). Последние годы жизни в Германии и Литве дали писателю возможность закончить книгу «Тюрьмы и ссылки» и написать очерки, составившие «Писательские судьбы». Обе книги драгоценны как свидетельство умного и скептического наблюдателя и участника событий. Книга о тюрьмах и ссылках — это памятник противостоянию свободного человека тоталитарной системе, а рассказ о писателях в первые послереволюционные десятилетия — взгляд «оттуда» на уничтожение русской культуры и литературы. По точному определению А. В. Лаврова, в очерках Иванова-Разумника «преобладает не плач, не проклятия, а великодушное презрение — достойная позиция для писателя, убежденного в своей правоте».³⁰ Эти книги стали эпилогом творчества писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Русский Берлин. 1921 — 1923 / Ред. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. — Париж, 1983.
- 2 В качестве примера можно указать на публикации в «Современных записках», где в нескольких номерах 1937 — 38 гг. находим: X, «Оттуда» (Письмо старого друга) (1937. — N 63) — о различии обстоятельств и понимания событий в СССР и

- за границей; ответ на эту публикацию «Туда» Г. Адамовича (1937. — N 64); А. Цилига «В Ленинграде», — воспоминания хорватского социалиста, прошедшего 1926–1935 гг. в СССР, из них последние пять с половиной в тюрьме и ссылке (1938. — N 66); X, «Из дружеской переписки» — о творческой свободе (Там же) и «Цензура и писатель в СССР» Р. Гуля (Там же).
- 3 Разделение было столь значительным, что в 70-е гг. обсуждался вопрос о том, одина ли русская литература в XX веке, или следует говорить о двух русских литературах. См. напр.: Одна или две русские литературы. — Lausanne, <1981>.
- 4 Здесь следует упомянуть философа С. А. Аскольдова-Алексеева (1871–1945), профессора Петербургского университета (1919–1922), участника сборников «Проблемы идеализма» (М., 1902; ст. «Философия и жизнь») и «Из глубины» (М.; Пг., 1918; ст. «Религиозный смысл русской революции»). После арестов и ссылки в конце 20-х — начале 30-х гг. Аскольдов жил в Новгороде и там попал в оккупацию. Он умер в Берлине в мае 1945 г., где оказался незадолго до окончания войны и, по-видимому, никаких связей с эмиграцией установить не успел. См. о нем: биографические данные во вступительной заметке А. А. Сергеева к публикации писем Аскольдова «Письма к А. А. Золотареву» (подготовка текста А. И. Драбкина) в сб. «Минувшее» (Париж, 1990. — N 9); библиография в приложении к этой публикации. См. также: Из писем к родным (1927–1941) / Публ. А. А. Сергеева // Минувшее. — 1991. — N 11; Филиппов Б. С. А. Алексеев-Аскольдов // Русская религиозно-философская мысль XX века: Сб. ст. / Под. ред. Н. П. Полторацкого. — Питтсбург, 1975; Филиппов Б. Всплывшее в памяти. — Лондон, 1990. — С. 153–158.
- 5 Иванов-Разумник Р. В. Тюрьмы и ссылки. — Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953. В настоящее время В. Г. Белоус публикует текст книги по рукописи архива Гуверовского института (Стэнфорд, Калифорния) в журнале «Мера» (СПб.: Глаголь), начиная с первого номера 1994 г. (Книга была издана по-английски: *The Memoirs of Ivanov-Razumnik*. — London, 1965). Подробнее о его общественной и литературно-исследовательской деятельности см. вступительную статью Лаврова «Иванов-Разумник» к переизданию книги «Писательские судьбы» (первое издание: Нью-Йорк, 1951) в сб.: Возвращение. — М., 1991. — Вып. 1. — С. 303–308. (здесь опущена заключительная глава книги «Советская литература. 1. Поэзия. 2. Проза»). См. также: Переписка <М. Горького> с Р. В. Ивановым-Разумником / Вступит. ст., публ. и коммент. А. В. Лаврова и Е. В. Ивановой // Литературное наследство. — 1988. — Т. 95; Переписка <А. А. Блока> с Р. В. Ивановым-Разумником / Вступит. ст., публ. и коммент.

- А. В. Лаврова // Литературное наследство. — 1991. — Т. 92 — Кн. 2; Белоус В. Г., Леонтьев Я. В. Совесть русской литературы; Р. В. Иванов-Разумник: Библиография / Сост. Я. В. Леонтьев // Библиография. — 1993. — Май-июнь. — N 3 (259).
- 6 См.: Максимов Д. Е. Спасенный архив // Огонек. — 1982. — N 49. Сохранившийся архив хранится в Пушкинском Доме. См.: Лавров А. В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. — Л., 1980. — С. 29–30.
- 7 «Новое слово. Русская национальная газета». Ред.-изд. В. М. Деспотули. Издавалась в Берлине с 1933 по 1944 гт.
- 8 Часть переписки была опубликована, — см.: Lowe D. Unpublished Letters from Pil'niak and Ivanov-Razumnik to Remizov // Russian Literature Triquarterly. — 1974. — N 8. — P. 489–501; письма Ф. А. Степуну: Неопубликованные письма Р. В. Иванова-Разумника / Публ. Ж. Шерона // Новый журнал. — 1989. — N 174. — С. 311–315; письма к Нине Берберовой: The Wartime years of Ivanov-Razumnik: Correspondence with N. Berberova / Publ. by G. Cheron // Stanford Slavic Studies. — 1992. — N 4:2. — P. 394–407. Письма писателей из этого архива готовятся к печати.
- 9 Подробное описание жизни в Царском Селе первого военного года см.: Осипова Л. Т. Дневник коллаборантки // Грани. — 1954. — N 21. — С. 92–131. Настоящее имя автора — Олимпиада Георгиевна Полякова. После войны она жила в Германии и печаталась под именем Л. Т. Осипова. См. ее книгу о советской литературе: Явное рабство и тайная свобода. — Мюнхен, 1960.
- 10 Бушман Ирина Николаевна, р. 1921 г. — литературный критик, историк литературы, поэт и переводчик русской литературы на немецкий язык. Живет в Мюнхене. Работала на радиостанции «Свободная Европа» и в Институте по изучению СССР. В 1964 г. опубликовала исследование о Мандельштаме — «Поэтическое искусство Мандельштама» (Мюнхен). Ее стихи печатались в «Новом журнале» (Нью-Йорк), в журналах «Свобода» и «Наш современник» (Мюнхен), в альманахах «Мосты» (Мюнхен), а также в антологиях «На Западе» (Нью-Йорк, 1953) и «Содружество» (Вашингтон, 1966; там же автобиографическая справка).
- 11 Возможно родственница (жена ?) царскосельского священника. Ср. запись в дневнике: «7 января. Рождество. Приходил о. Алексей Кабардин "славить" — впервые после 11-летнего перерыва».
- 12 Помимо очевидной ссылки на тексты Св. Писания и иронии, заключающейся в сопоставлении еще мирного начала 1914 г. с началом 1942 г. и, соответственно, радикально отличных

обстоятельств, в которых велись два дневника, здесь может быть еще отсылка к стихотворениям Вяч. Иванова «Лето Господне» (Прозрачность <1904> // Собрание сочинений. — Брюссель, 1971. — Т. 1. — С. 749) и М. Кузмина «Лето Господнее — благоприятно» (Сети <1908> // Собрание сочинений. — Мюнхен, 1977. — Т. 1. — С. 144) и упоминанию этих стихотворений И. Анненским как примера «состязаний в версификации на красиво заданные темы» (О современном лиризме <1909> // Книги отражений. — М., 1979. — С. 337). За указание на эту возможную переключку приношу благодарность К. А. Кумпан.

- 13 О критическом состоянии здоровья Иванова-Разумника во время отъезда из Царского Села упоминает Осипова: «Иванова-Разумника вели на машину под руки <...> Как он доедет!» (Дневник коллаборантки. — С. 124).
- 14 14 июля 1941 г. он писал Л. Л. Слонимской: «Хоть я и не политик, но ясно предвижу, "чем все это кончится": с самого начала второй мировой войны я не ставил и ломаного гроша на лошадку, именуемую "Гитлер", — и тем меньше ставил, чем больше он побеждал. Его песенка спета, — вот только не знаю, в котором году» (Цит. по: Лавров А. В. Иванов-Разумник // Возвращение. — С. 307).
- 15 В Литве жила семья его двоюродного брата, проф. Платона Константиновича Янковского, о кончине которого в ноябре 1941 г. Ивановы узнали в мае из первых писем из Литвы. В юности Разумник Васильевич проводил в этом имении каникулы, а также избрал его как место высылки из Петербурга после первого ареста в 1901 г. См.: Тюремьы и ссылки. — С. 25–26.
- 16 Шаховской Д. А. кн., 1902–1989 — редактор журнала «Благонамеренный» (Брюссель, 1926). В 1926 г. на Афоне принял монашество. Служил священником в Югославии (Белая Церковь), Франции (приход в Аньере под Парижем) и в Берлине. После Второй мировой войны в США. С 1947 г. епископ. В течение многих лет выступал с религиозными беседами для России по радио «Голос Америки». Известен как Архиепископ Иоанн Сан-Францисский.
- 17 Берберова Н. Н., 1901–1993 — писательница и журналистка. Автор сборников стихов и прозы, а также книги мемуаров «Курсив мой». С 1922 по 1932 г. жена В. Ф. Ходасевича. С 1950-х гг. в США, профессор русской литературы Йельского и Принстонского университетов.
- 18 Ремизов А. М., 1877–1957 — знакомство и начало дружеских отношений с Ивановым-Разумником относятся к 1900-м гг. (см. упоминания Ремизова о поддержке Иванова-Разумника и помощи с изданием повести «Крестовые сестры» в кн.: Ремизов А. Встречи: Петербургский бую-

- рак. — Париж, 1981. — С. 23; 30–35). Печатался в журн. «Заветы» (1912–1914), а также в газ. «Дело народа», где литературным отделом заведовал Иванов-Разумник. Охлаждение в отношениях, по-видимому, было связано с публикацией во втором сборнике «Скифы» (1918) ремизовского «Слова о гибели русской земли» и напечатанной в том же сборнике статьи Иванова-Разумника «Две России». — См. об этом: Мануэльян Э. «Слово о гибели русской земли» А. Ремизова и идеология скифства Р. Иванова-Разумника // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Ред. А. М. Грачева. — СПб., 1994; а также: Иезуитова Л. А. «Слово о гибели земли русской» А. М. Ремизова в газете «Воля народа» // Там же.
- 19 Русское Историческое Общество в Праге основано в 1925 г. Входило в состав Федерации исторических обществ Восточной Европы. Проводило серии докладов на регулярных собраниях. Выпустило три тома «Записок» (1927, 1930, 1938). См.: Библиография. Из каталога библиотеки Русского Зарубежного Исторического Архива / Сост. С. П. Постников. — New York, 1993. — Т. 1.; а также: Русские в Праге: 1918–1928 гг. / Ред. С. П. Постников. — Прага, 1928.
- 20 Русский Народный <Свободный> Университет основан в 1923 г. как чешско-русское просветительское учреждение, не имевшее систематических курсов преподавания, а устраивавшее серии лекций в Праге и провинции. Кроме чисто просветительской работы целью университета было также русско-чешское культурное сближение. За 1928–1933 гг. вышло 5 томов «Научных трудов» (см.: Русские в Праге. — С. 96–100, а также: Пушкарев С. Из воспоминаний о русской эмиграции в Праге (1921–1945) // Новый журнал. — 1982. — N 149).
- 21 Лапшин И. И., 1870–1954 — профессор философии и психологии. До революции его работы публиковались в «Записках Историко-филологического факультета С.-Петербургского Университета» (ст. «Проблема “чужого я” в новейшей философии», 1910). Переводчик Уиллиама Джеймса («Психология», 1896). Руководил кружком по психологии творчества при Русском Народном Университете. Среди его трудов: «Философские взгляды А. Н. Радищева» (1922), «Эстетика Достоевского» (Берлин, 1923) и «Философия изобретения и изобретение в философии» (Прага, <б. д.>).
- 22 Ляцкий Е. А., 1868–1942 — историк русской литературы, этнограф и прозаик. С 1922 г. профессор русского языка и литературы Карлова Университета, а также Русского Народного Университета (руководитель семинария по изучению творчества Л. Н. Толстого; председатель отделения курсов русского и иностранных языков). Автор исследований по жизни и творчеству Гончарова: Ляцкий Е. И. А. Гончаров.

Жизнь, личность, творчество: Критико-биографич. очерки. 3-е изд. — Стокгольм, 1920; Ляцкий Е. Роман и жизнь. Развитие творческой личности И. А. Гончарова: Жизнь и быт. 1812—1857. — Прага, 1925. В 1923—1926 гг. возглавлял издательство «Пламя».

- 23 Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг.: Колос, 1923. Второе, расшир. и доп. изд. кн.: Александр Блок. Андрей Белый. — Пбг.: Алконост, 1919. См.: Белоус В. Г. и Леонтьев Я. В. Совесть русской литературы. — С. 62, а также: Лавров А. В. Переписка <А. Блока> с Р. В. Ивановым-Разумником. — С. 381 и прим. 96 на с. 390. Во второй половине 20-х и в 30-е гг. Иванова-Разумника не печатали, и он занимался, главным образом, редакторской и историко-литературной работой. О толстовском «е. б. ж.» см. в «Дневнике коллаборантки»: «Теперь мы почти каждую фразу начинаем с “Е. б. ж.” — если будем живы. Это заклинание, в которое верят все, и коммунисты и позитивисты и идеалисты» (С. 103).
- 24 Иванов-Разумник ранее запрашивал редакцию, известна ли на Западе «Погорельщина» Клюева и, как видно, не получил ответа. В очерке о Н. А. Клюеве, напечатанном в газете, он привел первую, — неверную, но широко распространенную — версию смерти поэта, согласно которой он умер на одной из железнодорожных станций по пути из Сибири. В действительности Клюев был расстрелян в Томске в октябре 1937 г. Поэму «Погорельщина» (1927—1928) он читал неоднократно публично, текст поэмы переписывался и распространялся, как видно, довольно широко. Впервые поэма была опубликована в Нью-Йорке Издательством им. Чехова в 1954 г. (Клюев Н. Полн. собр. соч.: В 2 т. / Ред. Б. Филиппов) по тексту экземпляра, в 1929 г. подаренного Клюевым итальянскому русисту Этторе Ло Гатто. Включена в изд.: Ключев Н. Сочинения: В 2 т. / Ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппов. — Мюнхен, 1969. Впервые напечатана в СССР в 1987 г. (Новый мир. — N 7; о Клюеве см.: Азадовский К. Николай Клюев. — Л., 1990).
- 25 Лютер Артур, 1876—1955 — немецкий историк русской литературы, переводчик Радищева на немецкий язык (Reise von Petersburg nach Moskau 1790 von A. N. Raditschschew, 1922). В 1924 г. вышла его «История русской литературы» («Geschichte der russischen Literatur»).
- 26 Живые лица. — Прага, 1926. Переиздание в кн.: Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. — М., 1991. Предполагавшаяся книга статей — «Холодные наблюдения и горестные заметы» (1944), рукопись которой погибла во время войны, — см.: Иванов-Разумник Тюремны и ссылки. — С. 224 (прим. автора). О материалах к работе о Гоголе

- см.: Лавров А. В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме. — С. 63.
- 27 Можно предположить, что «Письмовник» — это начало работы над книгой «Письма без адресатов» (1944), рукопись которой погибла во время войны. См. библиографию в кн. «Тюрьмы и ссылки». Во время ссылки в Саратов (1933–1936 гг.) Иванов-Разумник, помимо воспоминаний, работал над сборником статей под тем же названием (См.: Тюрьмы и ссылки. — С. 11).
- 28 Греч Н. И. Записки о моей жизни / Под ред. и с коммент. Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. — М.; Л., 1930. По свидетельству Евгении Сидоровой, находившейся в одном лагере с Ивановыми, книжной щедростью Вельдинга пользовались и другие их сокамерники.
- 29 Свидетельство Е. Сидоровой.
- 30 Лавров А. Иванов-Разумник // Возвращение. — С. 308.